

Фото Александра КАРЗАНОВА

Юрий
КАРАБЧИЕВСКИЙ

Грозит ли России фашизм?

Писатель, которого мы потеряли, оставил нам
это предостережение

...Станет ли наша Россия фашистской страной? Чудовищный этот вопрос сегодня вполне правомочен. Сегодня об этом можно спрашивать так же обыденно, как и о предстоящих или не предстоящих экономических преобразованиях, как о будущем урожае или повышении цен.

Это говорит о многом и многих аргументов стоит. Итак, станет ли? Есть большая вероятность — допустим, тридцать процентов, — что все-таки станет. Проверим звучание: «фашистская Россия». Страшно? Страшно безумно. Но намного ли страшнее, чем когда-то для немецких демократов и либералов и для всех нормальных немцев звучали поначалу слова «фашистская Германия»?

— Нет, нет, — успокаивают меня друзья-оптимисты, — у нас это все-таки невозможно. Хотя бы потому, что подавляющее большинство населения фашистов не поддерживает.

Возражение, по-моему, нелепеешее и беспомощное. Зачем, скажите, фашистам поддержка большинства? Им вполне достаточно отсутствия сопротивления. Им вовсе не требуется, чтобы их любили. Им хватило бы того, чтобы их боялись, чтобы им подчинялись. А со временем, что ж, и полюбят.

Человек толпы так удачно устроен, что, подчиняясь, начинает понемногу непременно любить, для того хотя бы, чтобы как-то внутренне оправдать свое подчинение.

— Нет, нет, — говорят, — ничего такого в России не будет.

Отчего же нет? Или, может быть, у русского народа есть какой-нибудь иммунитет против власти подонков?

Мы знаем по опыту, что такого особого иммунитета нет. Нет его, быть может, и у других, но у нас — точно.

И про тех же немцев тридцать третьего, допустим, года мы не можем думать, что они имели какой-то особый душевный дефект, никаким другим народам не свойственный. Нет, были они ничем не хуже, а по многим, скажем так, показателям лучше своих соседей.

И тут неминуемо приходится коснуться вопроса — центрального во всяком фашистском движении. Я имею в виду отношение к евреям. Честно говоря, написав на эту тему десятки, да, наверное, сотни страниц, я хотел бы теперь оставить ее навсегда. Еврей в России, говорящий об антисемитизме, это уже какая-то тавтология. В этом как бы заведомо не содержится никакой информации, все как бы заранее известно, и понятно, и само собой разумеется. Но что поделать, не все люди в этом мире одинаковы, не ко всем в одной и той же ситуации одинаково относится внешняя опасность, и молчать об этом, говоря обо всем, невозможно.

Меня успокаивают друзья: ненависть к евреям — это только повод, а вовсе не главное в российском фашизме. Главное — это захват власти. Что ж, это верно и это неверно. У немецких фашистов дело тоже именно так обстояло. Но немецкий народ в своем большинстве, пройдя через тяготы и несчастья, фашизм все-таки пережил, а еврейский, накрытый волной фашизма, был уничтожен.

Для немцев двенадцать нацистских лет остались в истории кратким пе-

риодом мрака, а для евреев тотальной мучительной гибелью — все-таки разница. Тут важна не столько главная цель, сколько главное действие. Ну, а большинство? Кто может знать, кто точно предскажет, как поведет себя большинство в тяжелый, опасный и темный период?

Я рос в сороковые—пятидесятые годы в антисемитской стране, в постоянной опасности. И не спешите меня одергивать: я знаю, что говорю. Нет, большинство окружавших меня людей, уж наверное, не были антисемитами, антисемитами было меньшинство окружавших меня людей. Но я твердо знал, что в любом конфликте мое еврейство выплывет почти наверняка и может стать решающим аргументом против. Особенно в драке.

А жизнь в России, как известно, всегда происходит на пороге конфликта и на грани драки. Именно это обстоятельство определяло всю атмосферу, все мое ощущение жизни.

И все-таки сегодня я и впрямь говорю не о евреях. Моя главная боль о русских и о России. Ясно, что эпоха российских евреев понемногу кончается. Это грустно, это даже, быть может, трагично, но вряд ли кто-нибудь или что-нибудь сможет этот конец отменить. Но русские? Не могут же все переехать в Америку? А тогда как избежать самого страшного — позора соучастия, пусть невольного, пусть пассивного?

Ведь селекция будет происходить публично, на глазах почтеннейшей публики. Много ли датских королей объявится в нашей державе и добровольно наденет желтые звезды? Ска-

жут, что мы ведь уже пережили позор соучастия. Но это не так, не вполне так.

Лозунги коммунизма были, быть может, дурацкими, но внешне романтически, благородными. Тут было на чем обмануться и умным, и честным. На лозунгах нацизма обмануться нельзя. Их можно принять только сознательно, по любви. Там написано: мы — узколобые расисты, мы беспринципны, скучны, нахальны, примитивны и злы. Наш мотив — комплекс неполноценности. Наши главные чувства — зависть и ненависть. Идите к нам, идите с нами, не пожалеете.

Речь, впрочем, не о тех, кто эти лозунги примет. Большинство, допустим, не примет, не пойдет с ними и к ним. Но большинство не пойдет и против. Нормальным людям не свойственно строиться в ряды и колонны. И в этой нашей нормальности — наш заведомый проигрыш. Боюсь, однако, что строиться все же придется. И похоже, что нам не помогут ни армия, ни милиция, хотя бы потому, что ни в какой момент мы не будем знать, кто ими командует, за кого они и против кого.

Нет, дело теперь уже не в политике, какая тут к черту политика?! Дело в том, чтобы предотвратить национальный позор, от которого Россия может уже больше никогда не оправиться.

Помните, как герой рассказа Бабеля старый Гедали говорил, что мечтает об особой партии — интернационале хороших людей? Как знать, может быть, именно в этой детской идее как раз сейчас единственное наше спасение.

Публикация
Светланы КАРАБЧИЕВСКОЙ

* В основе этого эссе — одно из последних выступлений Юрия Карабчиевского по радио.